

Закрытость малых стран: новый феномен мировой политики?

Наталья Пискунова, Анна Ефимова

После окончания «холодной войны» государствоцентричная модель международных отношений, прежде доминировавшая в политической мысли и практике, стала терять былое значение. Однако этот процесс был отчасти «обращен вспять, когда в повестке дня... заняли место политические силы, борющиеся за национальные интересы» [Coward 2006: 57]. На волне трансформаций 1990-х годов, угрожавших потерей «государственной идентичности» [Collapsed States 1995], некоторые государства предпочли «путь закрытости». Через 10 лет это вылилось в достаточно устойчивый феномен мировой политики.

«Закрытые страны» — новый и малоизученный феномен современных международных отношений. При этом необходимо разграничивать понятия «закрытое государство» и «тоталитарный режим правления». Для тоталитарного режима, действительно, типична изоляция внутриполитической жизни от внешних влияний, призванная обеспечить властям полный контроль над гражданами и территорией.

Однако, по нашему мнению, сегодня закрытые государства — это не столько продукты тоталитарных режимов, сколько результат изменений в международных отношениях после краха биполярной системы и реакция на глобализацию и «стандартизацию» государственной жизни (демократизация, либерализация экономики и т.д.).

Число государств разной степени закрытости невелико, но они способны влиять на международные отношения, на региональную и глобальную безопасность. Частично интерес к закрытым странам обусловлен заявлениями лидеров ряда ведущих государств о существовании так называемых стран-изгоев — «опасных и непредсказуемых» элементов международной политики, чья непрозрачность и специфичность рассматриваются как угроза региональной и глобальной безопасности [Saunders 2006].

Почему именно данный термин — «закрытые страны» — удобно использовать как типологический признак при классификации государств? Во-первых, в мире реально существуют страны, остающиеся вне процессов глобализации и фактичес-

ки исключенные из всего современного развития международных отношений. Это немаловажный фактор нынешней международной ситуации. К тому же многие из этих государств нередко причисляют к «странам-изгоям», в их непрозрачности усматривают угрозу для международного сообщества. Во-вторых, другие критерии типологизации не позволяют объяснить этот феномен, раскрыть то общее, что объективно связывает эти страны. Ведь географически, исторически они могут быть абсолютно различны, да и по своему политическому устройству они нередко не походят друг на друга. Достаточно сравнить хотя бы КНДР — тоталитарное государство, находящееся в Северо-Восточной Азии, и Республику Эритрея — авторитарное государство в регионе Африканского Рога.

При сравнении этих, на первый взгляд, совершенно разных государств становится очевидной плодотворность предлагаемой нами категории «закрытые страны». При этом «закрытость» можно рассматривать на уровне политических систем [Morlino 2005]. Однако политические системы являются многоуровневыми, и зачастую между ними возможно не количественное, а лишь качественное сравнение.

С нашей точки зрения, одна из основных издержек закрытости — изоляция от мировых процессов и мировой экономики, негативно отражающаяся на развитии. На первый взгляд, основная цель изоляции и смысл закрытости — сохранение уникальной идентичности страны и специфики политического режима. Но любой политический организм не статичен, — он функционирует и развивается под действием многочисленных, часто общих для многих стран, факторов. Это в полной мере относится и к закрытым государствам. При детальном рассмотрении двух стран, расположенных

на разных континентах, обнаруживается ряд объединяющих их особенностей, которые можно условно сгруппировать в несколько блоков. Эти блоки включают общие черты, различия и особенности «закрытого» пути, а также ряд ключевых характеристик, которые могут быть использованы для рассмотрения феномена закрытости как такового.

Блок 1. Общие характеристики

Одна из основных *общих черт* рассматриваемых стран — их колониальное прошлое, которое, как представляется, во многом и обусловило выбор «закрытого» пути после обретения ими независимости.

Эритрея на протяжении почти 300 лет принадлежала Турции. В 1865 г. она была передана Египту, а в 1885 г. эти земли перешли под контроль Италии, причем порт Ассауа был выкуплен священником Римской католической церкви. Италия сохраняла колониальное господство над Эритреей вплоть до 1941 г. После войны Эритрея была передана под управление ООН, а в 1952 г. присоединена к Эфиопии на федеративных началах. В 1960 г. император Эфиопии аннексировал эту территорию. С того времени начался период тридцатилетнего противостояния между эритрейцами и Эфиопией. Война за независимость Эритреи обострилась в 1974 г. после свержения императора и прихода к власти «марксистского» военного режима. Жесткая политика Менгисту Хайле Мариамы в отношении эритрейцев привела к тому, что к 1980-м годам практически все эритрейское население страны выступало за независимость. Освободительное движение возглавили *Национальный фронт освобождения Эритреи* (Джебха), состоявший, в основном, из мусульман и радикаль-

но настроенных консерваторов, и *Фронт освобождения эритрейского народа* (Шабиа), в который входили христиане и приверженцы марксизма-ленинизма. Поддержку освободительному движению оказывали, соответственно, арабские страны, а также организации и правительства государств социалистического блока (хотя здесь дело обстояло не так просто и однозначно: официально «прогрессивный режим» Менгисту Хайле Мариам пользовался поддержкой СССР). Война завершилась в 1991 г., когда Фронт освобождения эритрейского народа (ФОЭН) вместе с эфиопскими повстанческими группировками одержал победу. Режим Менгисту пал. В 1993 г. по итогам референдума Эритрея получила независимость. Лидер ФОЭН Исаяс Афеворки стал президентом, главой Временного правительства Эритреи, а ФОЭН — правящей партией, получившей название «*Народный фронт за демократию и справедливость*».

База для развития политических институтов формировалась в основном под влиянием итальянского колониального господства и длительного нахождения в составе Эфиопии. Италия пыталась привнести в колонию европейские институты, Эфиопия же лишила эритрейцев практически любой формы представительства. Итальянский «эксперимент» не был завершён в связи с уходом Италии из Африки, тогда как эфиопское влияние вылилось в многолетнее противостояние и выход Эритреи из состава Эфиопии.

Корея в 1905 г. стала протекторатом Японии, а в 1910 г. была ею аннексирована. В период японского колониального господства здесь проводилась массовая «японизация», вплоть до принудительной смены корейских имен, запрета на использование корейского языка в школах и общественных учреждениях. Ресурсы страны

активно направлялись на поддержание милитаризированной экономики метрополии. Этот период зачастую упоминается и как время развития промышленности и транспортной инфраструктуры. Однако основной целью усилий по модернизации экономики Кореи в то время было использование ее ресурсов в интересах экономики самой Японии. После Второй мировой войны Корейский полуостров оказался разделённым на две оккупационные зоны: к северу и к югу от 38-й параллели, а в 1948 г. было провозглашено создание двух корейских государств — КНДР и Республики Корея.

Другой объединяющей чертой рассматриваемых стран является ведение масштабной и кровопролитной войны с соседним государством вскоре после получения независимости. Показательно, что в обоих случаях военный конфликт произошёл именно с той страной, с которой они прежде входили в состав одного колониального образования или единого государства.

Так, в 1998 г. началась война между Эритреей и Эфиопией, в результате которой погибли более 70 тыс. человек. Война ввергла страну в экономический кризис, спровоцировала проблему беженцев, не разрешённую до сих пор, и оставила после себя трудноразрешимую проблему обезвреживания многочисленных противопехотных мин. В 2001 г., вскоре после завершения вооружённого конфликта, был жестоко подавлен протест национальных СМИ, развернувших кампанию против действующего правительства. Тогда же правительство Эритреи фактически отказалось от проведения общенациональных выборов, разрешив только местные. Тем самым в стране была практически установлена диктатура.

Корейская война 1950–1953 гг., завершившаяся подписанием Соглашения о

перемирии в Пханмунджоме, унесла около 3 млн. жизней. По сути, это была одновременно и гражданская война, и международный вооруженный конфликт с участием ООН и ряда иностранных держав. В результате боевых действий страна оказалась разрушенной, а перемирие 1953 г. предложило трудный формат взаимоотношений между КНДР и Республикой Корея, существующий уже на протяжении более полувека, — фактически балансирование на грани войны. Послевоенная история обоих корейских государств определялась постоянной угрозой существованию каждого из противостоящих политических режимов со стороны противника. Республика Корея сумела за это время превратиться из отсталой аграрной страны в одну из сильнейших экономик мира, тогда как КНДР, особенно после распада социалистического блока, переживает глубокий экономический кризис. Сегодня Северная Корея привлекает внимание мирового сообщества как «несанкционированная» обладательница ядерного оружия и как тоталитарный режим, систематически нарушающий основные права человека, продолжая оставаться непривлекательной для международного сотрудничества.

Конфликт с соседним государством, с которым в прошлом они составляли единое политическое образование, во многом определяет ряд сходных внутривнутриполитических процессов в обеих «закрытых» странах. Сам феномен закрытости в значительной степени объясняется необходимостью обеспечить выживание политического режима в условиях глубокого экономического кризиса и неприятия со стороны мирового сообщества. Теоретически, любые кардинальные изменения неминуемо ведут к краху закрытой системы как таковой и исчезновению этих государств с их особой идентичностью с карты мира.

История двух стран демонстрирует важную особенность закрытых государств, не обладающих значительными экономическими и политическими ресурсами: не имея возможности повлиять на неудовлетворительные внешние условия, страна инициирует локальный конфликт (в который смогут вмешаться крупные игроки — либо самостоятельно, либо на стороне одной из воюющих держав), чтобы привлечь интерес, а, следовательно, и финансовые вливания. Это также помогает создать «негативную публичность» — формально негативный образ воюющей страны, который в дальнейшем может обернуться изменением к лучшему отношений со стороны крупных держав.

Пример Эритреи показывает опасность, которую таит в себе слабость государственных структур, прикрываемая формально сильной авторитарной системой управления. Слабое государство не способно обеспечить безопасность своих границ. В итоге, потенциал конфликта, накопленный в стране или регионе, может вылиться в гражданскую войну. Более того, создаются предпосылки для распада государства в случае ухода с политической арены авторитарного лидера — центра всей управленческой системы. Распад такого государства — потенциальная угроза всей системе безопасности региона, так как удаление одного из ее элементов и возникновение политического вакуума могут привести к ее подрыву.

Так, в условиях, сложившихся в ходе политической трансформации, политическая элита Эритреи использовала националистические настроения и призывы населения к более жесткому внешнеполитическому курсу, чтобы укрепить собственную легитимность. В свою очередь, укрепление политической легитимности использовалось для подавления оппозиции

в 1995, 1997 и 2001 гг. Конфликт между Эритреей и Эфиопией 1998–2000 гг. показал, что конфликтогенность региона во многом зависит именно от эффективности и силы государства. Это противоречит популярному тезису об ослаблении роли государств в мире. Межгосударственный конфликт с участием закрытой авторитарной страны может возникать из-за давления политических элит на режим и оппозицию в странах, находящихся на стадии консолидации недемократического или «частично демократического» режима.

Пример Северной Кореи также показывает принципиальную возможность потери контроля тоталитарным лидером, — например, в случае усугубления экономического кризиса, когда режим может утратить широкую поддержку населения и, тем самым, легитимность. По свидетельству наблюдателей, такие процессы уже идут в КНДР, особенно у границы с Китаем, где контроль над перемещением людей значительно ослаб. Дает брешь и традиционный для северокорейского политического режима жесткий информационный контроль, десятилетиями не позволявший жителям получать какую бы то ни было информацию, кроме партийной пропаганды [Асмолов 2005: 4]. В случае ослабления центральной власти неминуемо возникнет и проблема беженцев: в Манчжурии, по разным данным, уже имеется крупная, хотя и состоящая большей частью из нелегальных иммигрантов, северокорейская община.

Блок 2. Особенности «закрытого» пути

В исследуемых странах генезис государства и системы правления отличался своеобразием. Последняя изначально раз-

вивалась по достаточно жесткому образцу. В частности, уже первое упоминание территории Эритреи, относящееся к XXV в. до н. э., связано с присоединением этого региона («Та Неджеру») к царству Пунт. С XVI по XIX в. эритрейские земли находились под властью Османской Империи, а в конце XIX — первой трети XX вв. — под властью Италии. Фактически, в ее истории нет периода независимости вплоть до 1993 г. Более того, на ее территорию всегда распространялись формы правления, существовавшие в странах-завоевателях — Пунте, Аксуме, Турции, Италии, Эфиопии.

В случае Северной Кореи, получившей статус независимого государства в 1948 г., история развития государственности прошла путь от племенных образований до абсолютной монархии. До начала XX в. страны фактически не коснулась модернизация. «Страна-отшельница», которой Корея являлась для европейцев на протяжении веков, была «открыта» путем заключения неравноправных торговых договоров только во второй половине XIX в. С 1905 по 1945 г., как уже отмечалось, Корея была протекторатом Японии, не имевшим права на самостоятельное политическое развитие.

Колониализм и привнесенная им система правления затормозили в обеих странах самостоятельное политическое развитие. После ухода метрополий там произошли военные перевороты, в которых часто использовались демократические лозунги, а де-факто сформировались диктатуры. Более того, длительное колониальное господство лишило эти территории «механизма возврата»: преодолев власть метрополий, новообразованные государства уже не могли вернуться к доколониальным формам государственности.

Известно, что многие страны развивающегося мира не знали полисов или

иных форм представительного правления. Для ранних африканских государств были характерны обожествление правителя, экономическая и политико-идеологическая реципрокность, неравномерное участие в процессе материального производства, особая система делегирования власти, при которой принудительный принцип преобладал над согласительным [Lloyd 1981; Кочакова 1999]. Сходные принципы организации власти были установлены и на территории Корейского полуострова: строгая иерархизация общества, преобладание вертикальных связей, абсолютизм и идеализация образа верховного правителя, характерная для государств, воспринявших конфуцианство.

Важно, что слабое государство в случае резких политических изменений (в том числе форсированных) или в ситуации войны может частично или полностью перестать выполнять свои функции. Если же институты государства слишком слабы и не обладают достаточной легитимностью, то начинается цикл, в ходе которого их легитимность еще больше снижается. При этом отношения субъектности власти могут быть самыми разнообразными: «в одних странах люди привержены своему Королю, которого они наделяют правами властителя; в других — вождям, которые обладают властью до тех пор, пока могут поддерживать веру в себя у своих соплеменников, однако не наделены постоянными властными полномочиями; в третьих они подчиняются главе клана; в четвертых — группе главенствующих деревень или городу; в некоторых же субъектность власти может быть вообще не понятна белому человеку» [Wraith 1953: 13]. Это положение демонстрирует множественность возможных схем построения власти на основе определения ее субъектности в той или иной стране. В случае с исследуемыми странами — Северной Кореей и

Эритреей — субъектность власти, на основании которой построена легитимность существующего режима, определяется личностью действующего авторитарного или тоталитарного лидера. Данный «рычаг власти» обеспечивает действующим лидерам возможность практически постоянно поддерживать свою легитимность. Потеря его может привести к высвобождению потенциала недовольства, спровоцировать волнения в обществе.

Параметров для сравнения может быть достаточно много, и для структуризации были выбраны только несколько из них, наиболее важных для проведения качественного, а не количественного анализа ситуации «закрытости» в исследуемых странах. В принципе, любые попытки теоретических обобщений могут иметь две цели: объяснить феномен и попытаться спрогнозировать его развитие. Соответственно, используемые параметры можно свести в следующую таблицу (см. табл. 1).

Блок 3. Ключевые характеристики

Сохранение ситуации «закрытости» во многом зависит от силы и эффективности государства и политического режима. Государство управляет конфликтогенностью, и в случае его ослабления или распада внутривнутриполитические процессы могут стать неуправляемыми. Основные опасности, связанные с сохранением ситуации «закрытости», принадлежат к числу угроз «неклассического» характера и производны от способности государства управлять политическими процессами.

Очевидно, что происходившие в 1990-х годах политические процессы, повлиявшие на ситуацию в рассматриваемых странах, были изначально чрезмерно политизированы группами и лицами, которые

Таблица 1. Сравнительный анализ Эритреи и Северной Кореи

	Эритрея	Северная Корея
Тип режима до изменений	Авторитарный (в составе Эфиопии)	До образования КНДР (1948 г.) — японская колония
Период господства прежнего режима	30–40 лет	Колония в течение 40 лет (1905–1945 гг.)
Роль идеологии в обществе	Велика в период авторитаризма, в настоящий момент сильны националистические настроения	Основологающая, идеологическая риторика присутствует во всех сферах жизни, националистические настроения
Автономность экономики	Экономика военного типа, «осажденной крепости», государственное регулирование	Государственное регулирование экономики
Гражданское общество	Отсутствует	Отсутствует
Политическое общество (политические партии)	Правит партия власти Шаба, остальные подавлены в 2001 г. Однопартийность при полном подавлении оппозиции	Однопартийная система, партия власти, отсутствие оппозиции
Структура общества	Относительная этническая гомогенность при средней стратификации общества	Этническая гомогенность
Условия	Политический, экономический и социальный кризис	Результаты колониального правления Японии: подавление национальной элиты, культурная ассимиляция на фоне ограниченной экономической модернизации
Образование независимого государства	Отделение от Эфиопии, выход из-под власти диктатора, конец гражданской войны	Разделение Корейского полуострова на зоны влияния, формирование на севере и юге различных политических сил

	Эритрея	Северная Корея
Роль масс	Мобилизация и демобилизация масс — инструмент, которым манипулируют элиты; массовые протесты существуют как реакция на действия элиты, в регионе отмечается заметная степень вовлеченности масс в политический процесс перехода вне зависимости от правящих элит. Предпринимаются активные усилия по подавлению любого инакомыслия	Государство обладает высокой способностью к мобилизации масс, протесты отсутствуют, инакомыслие подавляется
Роль армии	Очень велика, армия — центральный актер	Велика, возросла с приходом к власти Ким Чен Ира, политика «сонгун» — центральная роль армии
Роль средств массовой информации	Деятельность СМИ затруднена из-за подавляющего государственного контроля	Только контролируемые властью источники информации, контроль за доступом к альтернативным источникам информации
Образование независимого государства Проблемы национализма и определения государственных границ	Проблемы существуют, явились катализаторами военных действий Эритреи против Эфиопии в 1998 г.; в 1995 г. — кризис отношений с Йеменом и Суданом; вопрос о границах спорный до сих пор	Существенны, не подписан мирный договор с РК после войны 1950–1953 гг., не решена проблема воссоединения корейской нации, отсутствие государственной границы с РК (наличие укрепленной демилитаризованной зоны)
Политическая культура	Первые активные политические движения наблюдались еще до перехода, после получения независимости были подавлены все политические силы, кроме правящей партии	Традиции абсолютной монархии до аннексии Японией в 1910 г., затем — авторитарный колониальный режим. Отсутствие традиций конституционализма и демократии. Конфуцианская традиция жесткой центральной власти и строгая иерархичность социальной структуры общества

	Эритрея	Северная Корея
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Построение государства, реформа бюрократического аппарата</p>	<p>Обретение независимости не было связано с национально-освободительным движением, а произошло под влиянием внешних факторов</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Проблема давления со стороны элиты прошлого режима</p>	<p>Отсутствует</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Тип правления</p>	<p>Формально — демократическая республика, по сути — тоталитарный режим</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Социальные и экономические реформы</p>	<p>Необходимы ввиду экономического кризиса, были внесены отдельные изменения с целью улучшить положение населения</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Традиции демократии</p>	<p>Отсутствуют</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Международный контекст</p>	<p>Потенциал конфликта с участием КНДР высок, однако в целом регион стабилен, случаются отдельные инциденты, последний крупный военный конфликт — Корейская война 1950–1953 гг.</p>
<p>Образование независимого государства</p>	<p>Из 20 признаков (параметров), выбранных для сравнения, полностью совпадают 16, то есть коэффициент совпадения — 80%</p>	

под прикрытием трансформаций стремились легитимизировать свое господство.

Одна из принципиальных особенностей исследуемых нами государств — их нежелание идти по пути переговоров и участвовать в международной жизни, в современных мировых процессах.

Кроме того, во внутривластной жизни этих стран велика роль военного фактора: политика провокаций на международной арене рассматривается их правительствами как инструмент давления на мировое сообщество. Более того, даже при выходе на уровень международного взаимодействия эти страны ставят перед собой только краткосрочные задачи. Так, они входят во многие международные организации, поддерживают дипломатические и консульские отношения со многими государствами мира. Но и это присутствие, и двусторонние отношения носят чисто формальный характер.

Фактически долгосрочной задачей этих государств является сохранение статус-кво. Ситуация осложняется тем, что, по сути, поддержание функциональности действующих режимов даже при закрытости этих стран оказывается выгодным их

региональным контрагентам. Кроме того, вектор современных миграционных процессов показывает, что в случае гуманитарной катастрофы или прекращения государственности в этих странах бремя решения проблемы беженцев ляжет на соседние государства, а также на развитые страны. В случае распада государства и начала вооруженного конфликта в этих странах, в военные действия неминуемо окажутся вовлеченными и соседние государства. Это особенно показательно в ситуации, сложившейся вокруг Северной Кореи, на фоне дестабилизации обстановки вокруг переговоров о решении ядерной проблемы.

Таким образом, нарушение внутренней стабильности закрытых стран является потенциальной угрозой для региональной безопасности, так как в них именно государство, вне зависимости от формы правления и типа политического режима, управляет конфликтогенностью. Если рассмотренные нами государства прекратят существование или просто серьезно ослабнут — исчезнет возможность контролировать конфликтогенный потенциал и препятствовать его реализации в форме открытого и ничем не сдерживаемого кровопролития.

примечания

Асмолов К.В. 2005. Трансформация командно-административной системы КНДР // Корея: новые горизонты. М.: ИДВ РАН.

Кочакова Н.Б. 1999. Раннее государство. М.

Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate

Authority. 1995. Ed. by W.I. Zartman. L.; Boulder: Lynne Rienner.

Coward M. 2006. International Relations in the Post-Globalization Era // «Politics», vol. 26(1).

Lloyd P. 1981. The Study of the State. African Kingdoms and the Early State. Hague.

Morlino L. 2005. Introduzione alla ricerca comparata. Bologna: Il Mulino.

Saunders E.N. 2006. Setting Boundaries: Can International Society Exclude «Rogue States»? // «International Studies Review», vol. 8(1).

Wraith R. 1953. Local Government. L.: Penguin books.